

АНДРЕЙ КАПИЦА

Михаил
Слипенчук
Алексей
Щербаков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Михаил Слипенчук

Андрей Капица. Колумб XX века

«ВЕБКНИГА»

2023

Слипенчук М. В.

Андрей Капица. Колумб XX века / М. В. Слипенчук —
«ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04784-6

О герое этой книги многие никогда не слышали, хотя он был сыном великого физика Петра Капицы, известным географом, внесшим вклад в решение многих научных проблем. Андрею Петровичу Капице удалось совершить одно из важнейших географических открытий современности – предсказать существование подо льдами Антарктиды гигантского пресноводного озера, что позволяет по праву называть его «Колумбом XX века». О жизни этого выдающегося ученого, полной путешествий и поисков, потерь и обретений, рассказывает его первая подробная биография, которую на основе семейных архивов, документов, воспоминаний родных и знакомых А. П. Капицы создали Михаил Слипенчук и Алексей Щербаков.

ISBN 978-5-235-04784-6

© Слипенчук М. В., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Часть первая	6
Особый папа	6
Генеральная линия	12
Парижские тайны	16
Полет птицы	20
Гуляш вокруг стола	24
Английский дом	26
Дети-цветы	29
Клетка для профессора	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Слипенчук, Алексей Щербаков Андрей Капица. Колумб XX века

Авторы выражают благодарность Татьяне Балаховской, заведующей Мемориальным кабинетом-музеем академика П. Л. Капицы при Институте физических проблем имени П. Л. Капицы РАН, Татьяне Симоновой, старшему научному сотруднику Географического факультета МГУ, Ольге Ермошиной, помощнице директора Тихоокеанского института географии ДВО РАН академика РАН П. Я. Бакланова, и Ивану Гузенко, внуку члена-корреспондента АН СССР А. П. Капицы за помощь в сборе материалов для книги.

© Слипенчук М. В., Щербаков А. Б., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2023

Часть первая В начале жизни

Особый папа

Регистратор подрайона Кембридж графства Кембридж, эсквайр Артур Леверингтон надвинул на нос очки, отвинтил колпачок с вечного пера и аккуратным, с красивыми виньетками почерком вывел в книге регистраций: *Andrey Kapitza, 9 July 1931*. Роды прошли в Кембридже прямо в особняке на *Huntingdon Road, 173*, – четвертом английском доме советского гражданина Петра Капицы. Прошли на удивление тихо – даже «Петя не проснулся»¹.

Погода в то лето в Англии стояла особенно дождливая и туманная.

Тем временем на столике внизу, в прихожей кембриджского дома, росла гора визитных карточек, телеграмм и открыток с поздравлениями от родственников, друзей и знакомых. До нашего времени дожила большая раскладная открытка с улыбающимся розовым пупсом в коляске, склонившейся над ним мамашей в шляпке-клош и вложенной в специальный кармашек визиткой с дописанным от руки «Поздравляю!» от леди Резерфорд. А еще телеграмма из Глазго: «Сердечно поздравляю с благополучным прибытием нового профессора. Миллар» – и письмо от того же адресата: «Поцелуйте от меня малыша и от чистой души и сердца примите этот маленький вложенный чек – купите что-нибудь особенно нужное ему сейчас» с игривой подписью «Ваша любящая шотландская тетушка Элен Миллар». Это прислала вдова того самого инженера Томаса Миллара, что в 1897–1898 годах руководил в Ньюкасле на верфи *Sir W. G. Armstrong Whitworth & Co Ltd.* постройкой первого русского ледокола «Ермак». В 1914 году двадцатилетний Петя Капица провел у Милларов в Глазго лето, улучшая свой английский. А 28 апреля 1927 года уже Элен Миллар побывала на Петиной свадьбе в Париже, где вручила ему в подарок бутылку голландского джина «*Old Geneva Superior*» – ту самую, которую в день торжественного спуска на воду со стапелей «Ермака» подарил Томасу Миллару сам адмирал Степан Осипович Макаров.

Как вы уже можете догадаться, родители у новорожденного были не как у всех. Отец, Петр Леонидович Капица, на момент рождения Андрюши носил уже несколько научных титулов, о которых ученый может только мечтать: доктора философии Кембриджского университета (1923 год), члена-корреспондента Академии наук СССР (13 марта 1929 года) и действительного члена Лондонского Королевского общества (2 мая 1929 года). В том же 1929 году по представлению директора-организатора Украинского физико-технического института (УФТИ) в Харькове И. В. Обреимова председатель коллегии НТУ ВСНХ СССР Л. Б. Каменев назначил Петра Леонидовича консультантом УФТИ. А недавно Петр Леонидович стал еще и профессором-исследователем Королевского общества и директором Мондовской лаборатории (1930 год), которую общество строило на территории Кембриджского университета специально для него. Такое количество высоких званий для ученого было просто невысказано! А всё потому, что смелостью и размахом своих физических опытов Петр Капица удивил даже лорда Эрнеста Резерфорда – одного из великих физиков начала XX века, открывшего планетарное строение атома. Как писал британский физик Дэвид Шенберг, изучавший сверхпроводимость,

¹ Письмо Елизаветы Дмитриевны Анне Алексеевне из Парижа 18 июля 1931 года. В кн.: *Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма*. М., Аграф, 2005. С. 48.

«Капица... обожал трудные задачи, и всякий раз, как я обращался к нему за помощью, он моментально выдавал целую кучу остроумных предложений...»²

По воспоминаниям американского физика российского происхождения С. П. Тимошенко, «большевистское правительство весьма щедро обеспечивало Капицу деньгами. Он ни в чем не испытывал недостатка. Он даже смог купить себе мотоцикл, с которым стал проделывать всякие опыты. Ему хотелось узнать, с какой скоростью эта штука может ездить... Эти опыты плохо для него закончились. Однажды, делая поворот на большой скорости, он потерял управление и приземлился в кювете... Хотя он и крепко расшибся, но руки и ноги остались целы. Серьезно пострадали лицо и грудь. Кто-то его подобрал и доставил в больницу, где его продержали больше недели. Капица рассказал мне, что ему надоело ждать, пока его раны заживут, и он отправился в лабораторию с забинтованной головой. Его появление произвело сенсацию»³.

А теперь мы должны немного попрактиковаться в высокой физике, иначе нам никак не понять, зачем понадобился Великобритания, которая в те времена еще была всемирной империей, какой-то там советский гражданин.

Академик Юлий Борисович Харитон, один из «отцов» советской атомной бомбы, проходивший стажировку с 1926 по 1928 год в Кембриджском университете, вспоминал:

«Петр Леонидович начал свою экспериментальную работу в Кавендишской лаборатории в 1921 году (тогда ему было всего 27 лет. – *Прим. авт.*). По предложению Резерфорда он произвел измерение потерь энергии пучка альфа-частиц при прохождении через вещество. Это было на первый взгляд коварное предложение, так как в нескольких работах, выполненных между 1906 и 1913 годами, не удавалось из-за экспериментальных трудностей измерять энергию пучка менее 0,16 от начальной. Работа имела смысл лишь в том случае, если новый метод будет в несколько раз более чувствительным, чем использованный в предыдущих работах. Но, по-видимому, у Резерфорда уже создалось впечатление, что этот несколько необычный русский в силах выполнить такую трудную работу. И он действительно это сделал (не будем входить в технические детали), и за счет очень напряженной работы по 14 часов в сутки в очень короткий срок. Любой экспериментатор с восхищением прочтет статью с изложением этой работы. Уж очень хорошо все продумано, просчитано и ювелирно изготовлено – в основном собственными руками. А чувствительность получилась не 16 % от начальной энергии, как было в предшествовавших работах, а 0,3 %, т. е. в 50 раз выше...

Петр Леонидович после года с небольшим работы в Кембридже окончательно приобрел репутацию экспериментатора-рекордсмена. В результате уже в 1922 г. Резерфорд высказал Капице пожелание предоставить ему большую самостоятельность и возможность работать с рядом сотрудников.

Когда я приехал в Кембридж поработать в Кавендишской лаборатории в 1926 году с использованием рекомендации Петра Леонидовича, у него уже была небольшая, отдельно расположенная (но в том же комплексе зданий) лаборатория (так называемая Магнитная лаборатория, торжественно открытая 9 марта 1926 года канцлером Кембриджского университета, бывшим премьер-министром Великобритании лордом А. Д. Бальфуrom. – *Прим. авт.*). В ней находилось уникальное оборудование для получения сильных магнитных полей – всем известный генератор мощностью 2000 кВт и ротор весом 2,5 т, который раскручивался мотором, а затем на одну сотую секунды замыкался на катушку, в которой создавалось магнитное поле...

Вскоре пусковые трудности – а их было немало – были преодолены и началась экспериментальная работа – исследование зависимости сопротивления металлов от магнитного поля. Была открыта знаменитая линейная зависимость сопротивления от поля вместо ранее извест-

² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 43.

³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 27.

ной квадратичной зависимости при слабых (в новом масштабе) полях (это «закон Капицы», открытый им в 1928 году. – *Прим. авт.*).

Установка стала очень модной. Крупнейшие физики из разных стран приезжали взглянуть на нее. Называли по-всякому, вплоть до восьмого чуда света. До сих пор крупные, дорогие научные установки – телескопы – делались только для астрономов. Для неба делалось исключение. А теперь был сделан скачок в масштабе в экспериментальной физике. Я даже не знаю, что было важнее – полученные новые экспериментальные данные или осознание многими физиками того, что если перед физиками стоит серьезная задача, то возможно и создание большой дорогой установки. Всегда очень важен первый шаг. И он был сделан Петром Леонидовичем Капицей. А Резерфорд, вероятно интуитивно чувствуя это, энергично помогал ему, добывая необходимые средства»⁴.

От могучего замыкания магнитная лаборатория всем нутром сотрясалась, а по округе прокатывался гром. Но Петя Капица всё рассчитал: катушку вместе с измерительными приборами он отнес на 20 метров от динамо-машины, чтобы электрический импульс приходил раньше, чем соленоид, и приборы начинало сотрясать искусственное землетрясение. А сила у этого агрегата была невероятная!

Д. Шенберг писал: «Новая лаборатория стала своего рода Меккой для всех посещающих Кембридж физиков, и Капица любил демонстрировать интересные вещи в своем характерном стиле. Изюминка его метода получения сильных магнитных полей заключалась в том, что поле создавалось на настолько короткий отрезок времени, что катушка не успевала сильно разогреться, и он формулировал это так: “Сотая доля секунды может показаться вам очень коротким отрезком времени, но и этого времени вполне будет достаточно, если вы знаете, как им распорядиться”. Другая его шуточка заключалась в том, что он называл себя самым высокооплачиваемым физиком в мире, поскольку профессорское жалованье ему платили за несколько секунд работы в год»⁵.

При этом, как вспоминал один из создателей квантовой механики Поль Дирак, «он запросил сумму, вдвое превышающую ту, которая ему требовалась, – чтобы оставить себе еще один шанс на тот случай, если машина его разлетится вдребезги. И ему дали эти деньги. А машина не разлетелась, и ему не потребовались деньги, полученные про запас. Этот случай говорит о свойственной ему дерзости...»⁶

А затем там же, в Кембридже, Петр Капица изобрел оригинальную машину для ожижения гелия. Вот что пишет про этот период его творчества советский физик, академик и многолетний сотрудник Петра Леонидовича по московскому Институту физических проблем (ИФП) А. С. Боровик-Романов:

«Исследования свойств металлов в сильных магнитных полях логически привели П. Л. Капицу к необходимости перенести эти исследования в область возможно более низких температур... Наиболее низкие температуры в те годы получали с помощью жидкого гелия. Для этого использовались ожижители гелия, работающие на основе эффекта Джоуля—Томсона – охлаждения газа при его дросселировании, то есть пропускании газа через вентиль с поддержанием в нем большого перепада давления. Как известно, эффект Джоуля—Томсона связан с неидеальностью газа и приводит к его охлаждению только ниже определенной температуры, называемой температурой инверсии. Температура инверсии гелия порядка 50К. Поэтому в ожижителях гелия, работающих на основе эффекта Джоуля—Томсона, необходимо иметь предварительную ступень охлаждения гелия жидким водородом.

⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 53–55.

⁵ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 44.

⁶ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 33.

П. Л. Капица создал установку для ожижения гелия, в которой охлаждение газа происходило благодаря совершению внешней работы при адиабатическом расширении газа в специальном детандере – поршневой машине. Этот метод является термодинамически наиболее выгодным, во много раз эффективнее метода, основанного на эффекте Джоуля—Томсона, и не требует предварительного охлаждения жидким водородом. Однако для его реализации необходимо было решить, казалось бы, неразрешимую задачу – найти материал для смазки, работающий при столь низких температурах. Петр Леонидович предложил очень смелое решение: использовать для «смазки» сам газообразный гелий, оставив зазор между стенкой поршня и цилиндром в 35 мкм. Для того чтобы поршень при этом не перекашивался и не заклинивался, на нем было сделано несколько кольцевых канавок, по которым выравнивалось давление газа на стенку цилиндра»⁷.

Первый ожижитель такого типа Андриюшин папа Петр Леонидович Капица построил 19 апреля 1934 года, сейчас по этому принципу строятся практически все ожижители. . .

С благодарностью вспоминая своего первого научного руководителя Петра Капицу, английский физик Ч. Дж. Милнер писал: «Он показывал жидкий гелий пяти или шести именитым особам, среди которых, несомненно, были Резерфорд и Фаулер (астрофизик, определивший давление в атмосфере звезд и заложивший основы теории белых карликов. – *Прим. авт.*). Жидкий гелий находился в колбе, закрепленной с нижней стороны ожижителя, и это вынуждало смотрящих становиться на колени и кланяться до земли. Через окно я заглянул в комнату, где находился ожижитель, и увидел их всех (кроме Капицы), стоящих в молитвенных позах перед машиной!»⁸

Д. Шенберг писал: «Местом, которое Капица любил показывать посетителям (особенно нервным), была комната ожижителя с очень легкой крышей, которая должна была взлетать в случае взрыва водорода – к счастью, такого ни разу не было!»⁹

После этого Петр Капица начал изучать свойства жидкого гелия и металлов при температурах около абсолютного нуля. «За фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур» Петр Леонидович будет удостоен Нобелевской премии в 1978 году.

Все оказалось просто: Капица стал тем самым ученым, который покончил с физикой шарика, желоба и веревочки и основал физику машинного эксперимента.

А пока, при всех его научных достижениях, по воспоминаниям Д. Шенберга, «в Кембридже у него была репутация любителя автомобилей и отчаянного водителя. Когда перепуганный пассажир обращал его внимание на большие показания спидометра, проградуированного, разумеется, в милях в час, Капица обычно заверял его, что это специальный спидометр, показывающий скорость в километрах в час. Одна из лучших историй такого рода рассказывает о случае, когда он взялся подвезти своего друга Симпсона, священника и историка из Тринити-колледжа. Когда они подъезжали к опасному повороту, Капица обернулся к Симпсону и сказал: “Молитесь Богу, Симпсон! Молитесь Богу!”... Автомобили Капицы были... спортивного типа – “Лагонда”, потом “Триумф”»¹⁰.

Ю. Б. Харитон считал: «Это был самый самоуверенный человек из всех, с кем я встречался. Он всегда был уверен, что, взявшись за какую-либо задачу, решит ее лучше всех»¹¹.

А еще Петр Капица никогда не забывал родины. В конце марта 1926 года, сразу после открытия Магнитной лаборатории, он впервые с 1921 года приехал в СССР по приглашению

⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 12–13.

⁸ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. С. 37.

⁹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 45.

¹⁰ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 45–46.

¹¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. С. 50.

председателя коллегии Научно-технического управления ВСНХ СССР – им тогда был Лев Троцкий – и 20 мая вернулся обратно. А после женитьбы каждое лето стал проводить отпуск в СССР, попутно участвуя в разных научных заседаниях и дискуссиях. Так, в августе—сентябре 1930 года Петр Капица побывал в СССР и около двух недель провел в Харькове, где читал лекции и консультировал в УФТИ.

Ч. Дж. Милнер запомнил рассказы Капицы сразу после его поездки в СССР в 1933 году. Руководители страны задавали Петру Леонидовичу вопросы на грани научной фантастики, в духе мечтаний Циолковского: «Правительство интересовалось его мнением по вопросу использования энергии ветра в единой электрической сети – ведь СССР занимает столь большую территорию, что почти всегда где-нибудь да дуют сильные ветры... Обсуждалась возможность освещения городов ночью с помощью пучка радиоволн, направляемых в ионосферу. Таким образом, должно было возбуждаться люминесцентное свечение достаточной яркости, чтобы отпала необходимость в уличном освещении. Капица также рассказывал нам о расчетах, сделанных каким-то советским инженером, свидетельствующих о том, что самолет, летящий на запад, в стратосфере может “лететь вместе с солнцем” и поэтому полет будет происходить постоянно при свете солнца. И если у самолета будет одно крыло белое, а другое – черное, то машина Карно, использующая эти крылья, сможет обеспечить движение самолета вперед»¹².

В письме академику-востоковеду Федору Ипполитовичу Щербатскому 21 января 1928 года Капица писал: «Сегодня тут в Кембридже я все время содействую нашей русской науке. Не только добываю визы, но в нашей лаборатории тут работает сейчас молодой русский ученый Ю. Б. Харитон. Получил степень доктора. По его отъезде я предложил Абраму Федоровичу прислать еще одного К. Д. Синельникова»¹³.

В июле 1931 года, как раз когда родился Андрюша, в кембриджском доме на *Huntingdon Road*, 173, гостил Николай Иванович Бухарин. К тому времени он был уже снят со всех политических постов из-за расхождений со Сталиным в методах и темпах коллективизации. Оставшись «просто» академиком АН СССР, Бухарин сменил Троцкого в Президиуме ВСНХ СССР и вслед за ним заведовал Научно-техническим управлением.

«Капица был бодр и всегда в добром настроении, – вспоминал военный моряк Павел Семенович Оршанко, друг и неизменный товарищ по охоте писателя М. М. Пришвина и П. Л. Капицы, – он говорил: “Работать и жить надо весело, как это умеют делать англичане. А у нас работают мрачно”»¹⁴.

Известный английский писатель и государственный деятель Ч. П. Сноу, зачинщик международного спора «о физиках и лириках», в те далекие времена занимавшийся в Кавендишской лаборатории спектроскопией, тоже оставил любопытное наблюдение о Петре Капице: «Однажды он спросил у одного из моих друзей, может ли иностранец стать пэром Англии, и это дало нам повод подозревать, что он был бы не прочь быть членом советской Академии наук и одновременно преемником Резерфорда в палате лордов»¹⁵.

Как много папиных черт впоследствии передалось Андрюше!

Его мама – Анна Алексеевна Капица, урожденная Крылова – на девять лет младше отца. В период знакомства с Петром Капицей она была лишь русской студенткой-эмигранткой из Парижа, увлекшейся археологией. И при этом «та еще штучка». Вот как она сама рассказывала о себе: «У меня были роскошные волосы, которые я, надо сказать, терпеть не могла. Особенно когда мама распускала их и, любуясь, расчесывала. Я вообще хотела быть мальчи-

¹² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 39.

¹³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 369.

¹⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 193.

¹⁵ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 34.

ком. Мама сшила мне штанишки, я закручивала косы вокруг головы и бегала как настоящий мальчишка. И меня очень забавляло, когда меня в самом деле принимали за мальчика»¹⁶.

Родился Андрей Капица ровно в 37-й день рождения своего отца.

¹⁶ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 9.

Генеральная линия

В предках у Андрюши были сплошь интеллигентные генералы.

Его папа, Петр Леонидович Капица, родился 9 июля 1894 года на главной российской военно-морской базе в Кронштадте, в семье военного инженера Леонида Петровича Капицы. По происхождению Капицы – польские дворяне, шляхтичи Подляшского воеводства, что находилось в самом сердце Польши к северо-востоку от Варшавы – там еще в 1696 году было известно имение Капица-Липники.

С 1902 года дедушка Андрюши Леонид Петрович Капица занимал должность начальника хозяйственного отдела управления строительства кронштадтских укреплений, на которой дослужился до полковника. А в 1916 году стал генерал-майором и старшим инженерным приемщиком Главного военно-технического управления в Петрограде.

Бабушка Андрюши по папе – Ольга Иеронимовна Капица, урожденная Стебницкая, – тоже из польского дворянского рода Волынской губернии, можно сказать, с Украины. Однако впервые дворянство ее предки получили в Венгрии аж в 1482 году! В свою очередь, ее папа, Андрюшин прадед по материнской линии, – военный геодезист и генерал от инфантерии Иероним Иванович Стебницкий – одновременно был начальником Военно-топографического управления Генерального штаба в Санкт-Петербурге, руководителем Корпуса военных топографов, членом-корреспондентом Российской Императорской академии наук, помощником председателя Императорского Российского географического общества и личным другом знаменитых российских путешественников, исследователей Центральной Азии – Николая Михайловича Пржевальского и Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. До назначения на свой высокий пост Иероним Иванович почти двадцать лет (1867–1886) прослужил в Тифлисе начальником Военно-топографического управления Закавказского военного округа.

После окончания Кронштадтского реального училища отец Андрюши, Петр Леонидович Капица, поступил в 1912 году на электромеханический факультет Петроградского политехнического института императора Петра Великого и увлекся семинаром профессора Абрама Федоровича Иоффе, где студенты занимались модной тогда наукой – физикой. И вот тут-то как раз и пригодилась прирожденная Петина «рукастость». Он мастерски чертил чертежи и с помощью инструментов, нередко придуманных им самим, создавал уникальные физические приборы. Первое, что он сделал у Иоффе, – это придумал новый способ получения тончайших волластонитовых нитей. Вот что писал про него его однокашник Константин Владимирович Чибисов, будущий ведущий советский специалист по фотохимии и научной фотографии, который в те времена учился в том же Политехническом институте, только на кораблестроительном отделении и был младше Пети на два курса: «Я часто посещал Петра Леонидовича за работой в лаборатории, где он просиживал до полуночи, и внимательно присматривался к его научно-экспериментальной изобретательности. Так, с восхищением наблюдал я, как он “тянул” для своего самодельного прибора тончайшие кварцевые нити, “стреляя” из специального устройства (“лука”) нагретым до плавления кусочком кварца и собирая образовавшуюся нить на черном бархате»¹⁷.

Вторым полезным делом Пети Капицы у Иоффе была оригинальная модель рентгеновского спектрометра. Было и третье – Петя вместе с другим будущим академиком, химико-физиком Колей Семеновым предложил новый метод определения магнитного момента атома, воздействуя на атомный пучок неоднородным магнитным полем.

Как раз к этому веселому и беззаботно-творческому времени относится всем известный «Портрет профессоров П. Л. Капицы и Н. Н. Семенова» работы знаменитого художника

¹⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 23.

Бориса Кустодиева. Оба они изображены на портрете в белых рубашках и галстуках, Петя с лихо отставленной курительной трубкой, Коля держит в руках не то рентгеновскую трубку, не то – страшно подумать! – самогонный аппарат. Друзья на вечеринке дома у Кустодиева представились хозяину «будущими знаменитостями» и рассчитались за портрет мешком пшена и петухом, заработанными ими за ремонт крестьянской мельницы, что в 1919 году было богато. И ведь не соврали – оба впоследствии стали нобелевскими лауреатами!

А вот что написал про Петра Капицу его коллега по московскому Институту физических проблем, член-корреспондент АН СССР и РАН А. С. Боровик-Романов: «Разработка сложных оригинальных инженерных конструкций в работе Петра Леонидовича сочеталась и с созданием ювелирных лабораторных приборов, самые тонкие узлы которых он часто изготовлял сам. Кстати, заметим, что одно из его увлечений – это ремонт старинных часов. Дома, в рабочем кабинете Петра Леонидовича, стоит маленький токарный станок и имеется набор инструментов для тонких работ...»¹⁸

Академик Ю. Б. Харитон вспоминал: «Примерно 20 лет спустя, зайдя к Петру Леонидовичу в Институт физических проблем, я увидел его за чертежной доской. Он разрабатывал газовую задвижку для создаваемой им новой системы сжижения воздуха с использованием турбодетандера. Я спросил его, зачем он делает чертеж задвижки, ведь это может сделать любой грамотный инженер. “Сделать-то он сделает, – ответил Петр Леонидович, – но я сделаю лучше”»¹⁹.

Наиболее образное воспоминание о Петре Леонидовиче как мастере-механике оставил член-корреспондент АН СССР и РАН, специалист по тепловым процессам в ледниках Игорь Алексеевич Зотиков, познакомившийся в 4-й Советской антарктической экспедиции уже с сыном Петра Леонидовича – Андреем Петровичем Капицей, которому, собственно, и посвящена эта книга. Правда, его воспоминания относятся уже к последним годам жизни Петра Леонидовича, когда Зотиков часто приезжал к нему в гости на подмосковную дачу на Николину Гору. Вот они: «Большие, в красном пластмассовом футляре, электронные часы никак не хотели работать. Включенные в сеть, они исправно горели желтыми цифрами, но никак не хотели показывать нужное время. Узловатые, старые, очень старые руки взяли осторожно и уверенно пластмассовую коробку и начали быстро и как бы нежно оглаживать ее со всех сторон, быстро-быстро ощупывать ее. Пальцы легко останавливались на выступах и кнопках, не сильно, без нажима надавливали или поворачивали их. Казалось, хозяин не смотрел на коробочку, умные уверенные руки сами делали всю работу. Теперь они осторожно, по-прежнему уверенно постукивали по корпусу со всех сторон. “А теперь дайте мне отвертку”, – сказал хозяин рук, убедившись, что простым путем ничего не сделаешь, и начал уверенно развинчивать механизм. Было ясно, что руки привыкли к такой работе, знали, что они победят»²⁰.

Это необыкновенное качество передалось по наследству и Андрею – руки у него тоже были золотые.

Однако вернемся в 1916 год и снова предоставим слово Косте Чибисову: «Позднее Петя неоднократно выражал сожаление, что моя научная работа прервалась... по поводу войны писал, что это “болезнь государства” и надо терпеливо ждать “выздоровления”; в письме от 16 сентября 1916 года он сообщает: “В моей жизни произошел крупный переворот... по возвращении из моего путешествия по Китаю и Японии – женился” (на Надежде Кирилловне Черносвитовой. – *Прим. авт.*). С горечью он пишет далее, что “институт приходит к упадку”; в письме от 23 октября 1916 года он отмечает, что Абрам Федорович очень занят: кроме работы “по своим кристаллам”, он читает курс еще и в университете, но только до конца пер-

¹⁸ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 23.

¹⁹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 54.

²⁰ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 316.

вого семестра, так как его не избрали, и добавляет: “Это, конечно, большое свинство”. Далее сообщает, что Абрам Федорович организовал семинар, в котором участвуют 12 человек, и дискуссии посвящены, главным образом, строению атома “по электронной теории”; в последнем письме от 23 марта 1919 года Петр Леонидович пишет об окончании им Политехнического института и о своей работе в Рентгенологическом институте, президентом которого был А. Ф. Иоффе (точнее, Рентгенологическом и радиологическом институте, который только что создал А. Ф. Иоффе, и пригласил Капицу работать в его Физико-технический отдел. – *Прим. авт.*). С последним письмом 1919 года переписка с Петром Леонидовичем у меня прекратилась...»²¹

В это время по всей Европе и в Петрограде тоже разразилась эпидемия жесточайшего гриппа испанки. Меньше чем за месяц Петр Капица неожиданно потерял всю свою семью: 13 декабря умер названный в честь дедушки двухлетний сын Нимка (Иероним), а 8 января 1920-го – жена Надежда Кирилловна Черносвитова и новорожденная дочка Надя. На первом форзаце хранящегося в личном архиве Петра Леонидовича Капицы английского Евангелия, подаренного Надежде Кирилловне подругой-англичанкой, все это, наряду с другими основными моментами едва начавшейся 26-летней Петинной жизни, записано его собственной рукой и в конце добавлено: «Всё кончено. Да будет воля Твоя!»²²

Чтобы развеять его черные мысли, всегда внимательный к талантливому ученику Иоффе в марте 1921 года включил Петра в состав комиссии Академии наук, направлявшейся в Германию и Англию для многих важных для молодого Советского государства дел: восстановления научных связей, прерванных войной и революцией, и приобретения приборов и литературы для организующихся в Петрограде новых научных институтов. Но Капица решил попробовать себя в чем-то большем.

Еще только дожидаясь британской визы в Ревеле, которую для него получал советский торгпред в Лондоне Л. Б. Красин (летом 1917 года он был директором завода «Симменс и Гальске» в Петрограде, где Капица проходил практику), Петр отбивает телеграмму матери по поводу ее приятельницы, до войны работавшей у Резерфорда в Манчестере: «Попросите Ядвигу Ричардовну (Шмит-Чернышеву. – *Прим. авт.*) выполнить ту просьбу, с которой я к ней обратился (дать мне рекомендательное письмо к профессору Резерфорду)»²³. Видимо, просьбу Пети Шмит-Чернышева выполнила, потому что 12 июля 1921 года Эрнест Резерфорд очень тепло принял Иоффе и Капицу в Кавендишской лаборатории (так именуется физический факультет Кембриджского университета). Но оставить у себя Петю на стажировку отказался.

Д. Шенберг оставил воспоминания о том, что произошло дальше: «Сам П. Л. однажды сказал мне, что хотя в этой истории, возможно, и не все точно, она тем не менее близка к правде... когда П. Л. собрался с духом и спросил Резерфорда, не смог бы тот взять его аспирантом, Резерфорд не проявил энтузиазма и ответил, что его лаборатория уже переполнена. Тогда П. Л. озадачил Резерфорда, спросив его, к какой точности стремится он в своих экспериментах. Услышав ответ Резерфорда, что точности около 3 % обычно хватает, Капица заметил, что при примерно 30 сотрудниках добавление еще одного, скорее всего, пройдет незамеченным, поскольку будет лежать в пределах экспериментальной погрешности! Находчивость (а возможно, и смелость) Капицы произвели на Резерфорда впечатление, и он, в конце концов, согласился взять его аспирантом. В последующие годы между ними возникла большая взаимная привязанность, и Капица в стиле работы всегда старался следовать примеру Резерфорда»²⁴.

²¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 25–26.

²² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 347–348.

²³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 349.

²⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 45.

Абрам Федорович Иоффе отбил 7 июля 1921 года из Лондона телеграмму супруге: «Капицу хочу оставить здесь на зиму у *Rutherford*'а, если он его примет. Красин дал уже согласие...»²⁵

²⁵ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 349.

Парижские тайны

Пусть это не покажется странным, но мама Андрюши тоже была из генеральской семьи. Только ее отец – генерал по флоту Алексей Николаевич Крылов (это звание было присвоено ему 6 декабря 1916 года) – был масштаба Архимеда: математик, физик, механик, инженер, метеоролог, астроном, изобретатель, экспериментатор, организатор науки, педагог, переводчик и дипломат. Написанный им в конце XIX века труд «Теория качки корабля» стал первой всеобъемлющей теоретической работой на эту тему. Даже англичане удивились: избрали Алексея Николаевича Крылова членом Британского общества корабельных инженеров и наградили золотой медалью. С 1900 года он совместно с адмиралом С. О. Макаровым изучает вопрос плавучести корабля и заведует в петроградской Новой Голландии Опытным бассейном. Итогами этой работы до сих пор пользуются все корабли и флоты мира.

Мать Андрюши – Анна Алексеевна Крылова – родилась в 1903 году. Вот что она рассказывает про свою семью в книге «Двадцатый век Анны Капицы»: «Родня у нас была колоссальная – Филатовы, Ляпуновы, Жидковы, Сеченовы. Молодежь – бесконечное количество двоюродных братьев и сестер приблизительно одного возраста, очень либеральные и просвещенные люди. Достаточно сказать, что племянницей моей бабушки была знаменитая революционерка Вера Фигнер. И мама... все время вертелась в этом либеральном обществе. Неудивительно поэтому, что, окончив институт в Казани, она сразу же решила ехать в Петербург и поступать там на Высшие женские (Бестужевские) курсы. Тогда в либеральных кругах считали, что в России должна быть культура и женщине непременно нужно продолжать образование, работать, быть самостоятельной, а не только женой и матерью... В Петербурге и произошло знакомство юной Елизаветы Дмитриевны Драницыной с блестящим морским офицером Алексеем Николаевичем Крыловым. Надо сказать, что они были достаточно близкими родственниками – троюродными братом и сестрой. Мама вышла замуж, еще не окончив курсы, – выпускалась она уже не Драницыной, а Крыловой»²⁶.

Карьера Алексея Николаевича Крылова была блестящей и стремительной. Ко времени рождения Анны Алексеевны он уже крупный ученый, математик, кораблестроитель, произведен в подполковники. «В моих детских воспоминаниях отец – высокого роста, плечистый, с густыми черными волосами и окладистой черной бородой. Творчество всегда его поглощало, оно было частью его жизни. Алексей Николаевич никогда не бывал праздным, чтобы отвлечься от одной работы, он находил другую. Но это не был кабинетный ученый, он всегда был среди людей. Блестящий рассказчик, очень остроумный, он любил веселый соленый анекдот и шутку. В молодости папа играл в теннис, ездил на велосипеде и очень увлекался стрельбой в цель...

Мои два брата, Коля и Алеша, были абсолютно разные. Коля – высокий, черный, человек в себе, очень сдержанный, а Алеша, наоборот, был маленького роста, необыкновенно живой, контактный, веселый, блондинистый. Все его обожали и звали Лялька, ни больше ни меньше. И вот этот Лялька был необыкновенно мне нужен, потому что он всегда делал мои уроки. Я кричала: «Лялька, я не знаю, что тут в арифметике делать, пожалуйста, помоги мне». Лялька приходил и с удовольствием мне помогал. Мои братья учились блестяще, они оба были очень способные, особенно к математике, да и ко всем остальным предметам тоже. А я прилежанием не отличалась, зачем мне было надрываться. Ведь я была неслышанно избалованна. Да и как могло быть иначе – единственная девочка, которую так хотели, во что бы то ни стало. Ясно, что я была избалованна до предела. Это очень мешало мне в жизни, и еще долго с этой чертой характера мне приходилось бороться»²⁷.

²⁶ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 8.

²⁷ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 9.

А вот что вспоминала про Аню ее однокашница Наташа Бурцева: «Когда мне было 10 лет, родители записали меня в частную школу В. П. Кузьминой. И почти сразу я обратила внимание на симпатичную девочку с толстой черной косой. Очень скоро мы с ней подружились. Девочку звали Аня Крылова. Мы были очень разные по характеру. Я – скорее чуть робкая, недаром у меня потом образовалось прозвище Бэби, немножко наивная, немножко застенчивая, в то время как Анечка отличалась довольно решительным характером. Несмотря на то, что она была на год меня моложе, наши отношения, которые очень быстро перешли в настоящую крепкую дружбу, всегда основывались на том, что Анечка меня опекала, мне диктовала, могла критиковать меня за какой-то поступок или ориентировать на какое-то действие. И я ей подчинялась. Но надо сказать, что это меня совсем не тяготило. Школу мы так и прошли вместе»²⁸.

В 1914 году Аня впервые поехала путешествовать: «Наши мальчики кончили школу весной 1914 года и получили аттестаты зрелости – это был первый выпуск. В ознаменование этого родители и школьное начальство решили поехать на экскурсию за границу, чтобы показать детям Европу. Был закуплен большой тур, и было нас человек 15–20: дети, родители, педагоги. Меня тоже взяли с собой. Сначала мы были в Париже, потом – в Швейцарии, всё осматривали, всюду бегали... И в Швейцарии нас застала война. Мы оказались в полном бедствии, ведь у нас все было предусмотрено условиями тура, заранее оплачены обратные билеты, но были они через Германию. Сразу стало понятно, что с нашими молодыми людьми мы через Германию ехать не можем. Значит, надо было ехать кружным путем, а кружной путь требует денег. Все было сделано довольно быстро: кто-то деньги занял, что-то нам перевели, но с этого времени мы путешествовали уже самым дешевым образом, только бы доехать. <...>

Из путешествия мы вернулись уже в военный Петроград. Шла эта страшная война. Война начала менять жизнь и нашей семьи. Мама кончила курсы медсестер и все время работала в разных госпиталях, в лазаретах. Да и в доме у нас постоянно бывали, а иногда и жили раненые солдаты. Мама вела довольно большую работу, но все это было совершенно незаметно, как само собой разумеющееся. Детей военные события пока не коснулись – братья поступили в Политехнический институт на кораблестроительный факультет, а я продолжала учиться в школе.

Примерно в это же время у папы возник очень серьезный роман с Анной Богдановной Ферингер. Для мамы это был тяжелейший удар – узнать о папиной измене. Она была в этом отношении безо всяких компромиссов и не могла даже подумать, что если Алексей Николаевич ей изменяет, то может быть хоть какое-нибудь прощение. Мама поручила нас своей сестре – Ольге Дмитриевне, а сама уехала на фронт сестрой милосердия...

На фронте мама пробыла около полугода, и, когда вернулась домой, внешне у нас в семье все сохранялось как прежде. Но война продолжалась, и жить становилось все сложнее и сложнее. К тому же весной 16-го года начался призыв студентов младших курсов в действующую армию. Братьям пришлось уйти из института, и они поступили в юнкерские училища: Алеша – в Михайловское артиллерийское, а Коля – в Инженерное. Это давало возможность идти в армию не солдатами, а самым младшим офицерским чином, прапорщиками, наверное. <...> Летом 17-го года стало трудно с продовольствием, и было решено, что старшие классы нашей школы вместе с некоторыми родителями переедут на юг в Анапу. На юге можно было выжить лучше. С этого времени семья наша распалась окончательно – мы с мамой уехали в Анапу, папа остался в Петрограде, братья ушли на фронт»²⁹.

После прихода к власти большевиков оба брата Анны Алексеевны присоединились к белым и погибли в Гражданской войне – Николай в ноябре 1918 года, Алексей в июле 1919-го.

²⁸ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 11.

²⁹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 12.

«Эти страшные смерти, гибель обоих сыновей, потрясли маму. Она была в ужасном состоянии. У нее произошел какой-то душевный переворот – она стала очень религиозным человеком и в этом находила успокоение. Мама решила, что меня нельзя оставлять в России – того и гляди я тоже уйду на фронт, тогда такое было настроение. А любила меня мама страстно. Но это я оценила много позже и, вероятно, часто доставляла ей если не горе, то боль. Но я была совершенно самостоятельна в своих вкусах, своих связях, дружбе и вообще в жизни. Я тоже очень любила маму, но близости, которой ей бы хотелось, у нас не было.

Мама решила эмигрировать, и мы уехали за границу вместе с нашими друзьями Скрипицыными. В Новороссийске сели на какой-то французский полугрузовой пароход, где спали и жили в трюме. Пароход, видимо, довез нас до Константинополя. Помню, что там я заболела, и мы сняли комнату в Галате – это был самый бедный морской квартал. Но, несмотря ни на что, успели посмотреть Святую Софию.

В конце концов, мы добрались до Женевы и на какое-то время осели там. У Скрипицыных в Женеве был свой дом, а мы с мамой рядом снимали комнату, очень симпатичную. С этого времени, хочешь не хочешь, мне пришлось стать серьезной, взяться за ум. Начала изучать английский язык, ведь французский я знала достаточно хорошо. Меня заинтересовало искусство, и я поступила в *École des Arts et Métiers* (Школа искусств и ремесел). Это была школа, где изучалась и живопись, и разные прикладные вещи.

Через некоторое время мы решили перебраться в Париж. Жизнь в Швейцарии была очень дорогая. Когда мы переехали во Францию, там уже был в командировке папа. Мы встретились, а до этого, когда жили в Швейцарии, мы с ним только переписывались. Во Франции после пережитой трагедии – гибели сыновей – родители помирились вполне. Мама поняла, что семейной жизни у них не может быть, но дружба и любовь осталась. Существовала я – и для того, и для другого. Они оба сосредоточили свою любовь на мне и как бы в этом снова слились духовно. Их соединило общее горе и любовь ко мне, единственному оставшемуся ребенку из пяти! Папа всегда смотрел, чтоб мы с мамой ни в чем не нуждались, чтоб у нас было достаточно средств»³⁰.

Составитель и редактор книги «Двадцатый век Анны Капицы» – внучатая племянница Петра Леонидовича Елена Леонидовна Капица – вспоминала: «Анна Алексеевна, рассказывая о своей жизни в Париже в 20-е годы, была очень немногословна. Только значительно позже, разбирая альбомы, я как-то смогла представить себе некоторые ее фрагменты. По-видимому, у них был довольно большой круг знакомых в эмигрантской среде, в основном это были школьные друзья, учителя. Большой молодежной компанией они катались на лодках, разъезжали на велосипедах по окрестностям Парижа. Устраивали пикники с костром, на котором кипятили чайник. Под одной из фотографий Анна Алексеевна сделала такую надпись: «Все лежат в изнеможении после велосипедной прогулки». Путешествовали они и по югу Франции, а также довольно часто навещали своих друзей Боткиных, которые обосновались в Италии, в Сан-Ремо. Как рассказывала Анна Алексеевна, Мария Павловна Боткина очень увлекалась фотографией, занималась этим практически профессионально. Она-то и приобщила Анну Алексеевну к фотографированию. Они посылали друг другу снимки. На одном из них запечатлен сильный снегопад в Италии, берег моря и сделана приписка: “Совсем как у нас в Финляндии”. Увлекалась Анна Алексеевна и альпинизмом. Со специальным снаряжением, в теплых костюмах, связанные одной веревкой, поднимались они в Альпы. Есть фотоснимок: “Я на вершине Монблана”»³¹.

Париж особенно привлек Анну Алексеевну своей художественной стороной, вот что она вспоминала: «В Париже я бегала заниматься живописью на Монпарнас, это было рядом

³⁰ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 13–14.

³¹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 14–15.

с нашим домом, просто десять минут ходьбы. Там были такие свободные ателье, где стояла натура, ты платил 1–2 франка и мог заниматься. Кроме того, я стала серьезно изучать археологию в Эколь де Лувр. Особенно меня увлекали археологические раскопки в Сирии и Палестине, и я уже собиралась писать дипломную работу по керамике. Лувр и его коллекцию я знала очень хорошо, но мне хотелось поработать еще и в Британском музее в Лондоне. Но сколько бы я ни обращалась в английское консульство в Париже, мне вежливо, но твердо отказывали в визе со словами: «Мадемуазель, зачем вам ехать в Лондон, ведь Лувр такой хороший музей». Я была эмигранткой – гражданкой с нансеновским паспортом»³².

³² Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 15. Сертификат, удостоверяющий личность человека без гражданства; введен в 1922 году по инициативе Верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев, знаменитым полярным исследователем и океанографом Фритьофом Нансеном.

Полет птицы

Как раз в это время, в конце лета 1926 года, в Париж приехала Анина подруга Наташа Бурцева, которая уже успела выйти замуж за того самого Колю Семенова с портрета двух закадычных друзей, который нарисовал Борис Кустодиев.

Вот что рассказывала сама Наталья Николаевна:

«В 1924 году я вышла замуж за Н. Н. Семенова. Два года спустя мы с ним поехали за границу. Николай Николаевич был командирован для ознакомления с работами разных лабораторий, а меня ему удалось взять с собой благодаря Абраму Федоровичу Иоффе, который за меня очень хлопотал. Тогда поехать за границу, да еще с женой, было не так легко. Это был уже 1926 год.

Мы были за границей целых три месяца: сначала месяц в Германии, потом месяц в Англии. В Англию командировку Николаю Николаевичу устроил Петр Леонидович. Только потом, после Англии, были месяц во Франции.

Когда я вышла замуж за Николая Николаевича, я довольно быстро узнала, что у него есть большой друг, русский физик, который живет за границей, в Кембридже, – Петр Леонидович Капица. И я заранее была предубеждена против него. Причиной этого была простая и очень смешная вещь. Петр Леонидович в своем письме, в котором он поздравлял Николая Николаевича с женитьбой, написал: “Только подождите размножаться”. Такая постановка вопроса меня безумно оскорбила, и я заранее настроилась против этого человека.

Однако, когда мы приехали в Кембридж, я помню, Петр Леонидович сразу меня к себе расположил своей простотой, чувством юмора, жизнерадостностью и открытостью. Мое предубеждение настолько быстро рассеялось, что я произнесла фразу, оказавшуюся пророческой: “Женитесь на моей Анечке”.

Петр Леонидович опекал нас, заботился и все нам устроил хорошо. К нашему приезду он снял для нас прелестный отдельный домик, где сам когда-то жил (до того, как переехал в колледж). Я помню этот двухэтажный хорошенький домик с садом, где жила лишь одна пожилая женщина, его хозяйка, и она взялась нас обслуживать. Николай Николаевич и Петр Леонидович (им тогда было всего по 30 лет. – *Прим. авт.*) много общались, разговаривали на научные темы. Капица показывал лаборатории, знакомил с учеными. А потом Петр Леонидович возил нас на своей машине по всей Англии. И в Оксфорд мы ездили, и в Стратфорд, на родину Шекспира, и в разные другие места. Петр Леонидович был за рулем, конечно. Прожив месяц в Англии, мы уехали во Францию»³³.

Такая же трогательная забота о друзьях и гостях станет характернейшей чертой Андрея.

А Наташа Бурцева тем временем продолжает:

«Мы провели во Франции тоже месяц – были в Ницце с Френкелями, а перед отъездом в Россию жили две недели в Париже. И я, конечно, сразу же нашла Анну Алексеевну, Анечку мою. Все время, что мы провели в Париже, мы с ней общались каждый день. А тут и Петр Леонидович приехал из Англии для того, чтобы с нами повидаться. И произошло знакомство Петра Леонидовича с Анной Алексеевной, при моей помощи, чем я очень горжусь.

Их общение сразу стало очень непринужденным, озорным, с шутками и розыгрышами. Я почувствовала, что они очень подходят друг другу. Через несколько дней был день рождения Елизаветы Дмитриевны, Анечкиной мамы, и мы все были приглашены к ним в гости. Тут выяснилась одна интересная деталь – и мать Петра Леонидовича – Ольга Иеронимовна, и Елизавета Дмитриевна были студентками одного выпуска Высших женских (Бестужевских) курсов»³⁴.

³³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 61.

³⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 61–62.

«Я с удовольствием показывала им Париж, который к тому времени успела хорошо изучить, – продолжает рассказ Натальи Николаевны уже сама Анна Алексеевна. – О Капице я ничего не слышала раньше, хотя он был давно знаком с моим отцом, и Алексей Николаевич к нему очень хорошо относился»³⁵.

К слову, далеко ходить за невестой Петру Капице было в общем-то и не надо – Алексей Николаевич Крылов был в составе той же делегации Академии наук, которая 21 мая 1921 года доставила Петю в Англию.

Елена Леонидовна Капица уточняет: «Отец Анны Алексеевны Алексей Николаевич Крылов после Октябрьской революции довольно долго жил за границей. Он отправился в Западную Европу в 1921 году как член делегации советских ученых для налаживания научных связей. Кстати, Петр Леонидович также был в составе этой делегации и был знаком с Алексеем Николаевичем задолго до того, как познакомился с его дочерью. После того как делегация ученых свою миссию выполнила, Крылов не вернулся в Россию, а остался жить в Париже в качестве представителя Советского Союза с самыми разнообразными заданиями. Анна Алексеевна в те годы также жила в Париже, они довольно часто встречались, но переписка между ними началась лишь после замужества Анны Алексеевны и ее переезда в Кембридж»³⁶.

Анна Алексеевна впоследствии вспоминала: «Мы с Семеновыми были очень счастливы все вместе и много веселились. Ходили в маленькие ресторанчики и кабачки, в кино и музеи»³⁷.

И снова рассказ Н. Н. Семеновы: «Я очень волновалась, как будут развиваться их отношения. Но знала, что с Анечкой нужно держать ухо востро: если я хоть раз намекну о каких-то своих матримониальных замыслах, то все будет кончено. Одно обстоятельство меня успокаивало – Анечка очень хочет попасть в Англию, поработать в Британском музее, а Капица с готовностью предложил ей свою помощь в этом предприятии...»³⁸

Петя в шутку прозвал Анечку «архивная крыса» или просто Крыс, а она его – «Птица-Капица».

Вскоре после отъезда Наталья Николаевна стала получать письма от Анечки из Франции.
3 октября 1926 г., Париж:

«...Написала Птице-Капице. Он физик, человек потрясающий. Я получила от него письмо из Кембриджа. Нашел мне археолога на случай моего приезда в Англию. Теперь уверовала, что визу получу, когда нужно будет, наверняка. Но не поеду раньше марта—апреля, нельзя по причине диссертации...»

6 октября Аня написала самому Капице:

«Милый Петр Леонидович, спасибо большое за археолога, это очень хорошо, я ему обязательно напишу, когда соберусь в Лондон. Сейчас это не удастся, я думаю, что приеду только в марте или еще позднее. Сейчас никак нельзя. Я теперь совсем спокойна, что виза у меня будет. Когда поеду в Лондон, то, конечно, больше всего буду сидеть в Британском музее, два отдела меня больше всего интересуют – восточный и греческой керамики».

В послание было вложено письмо Семеновых:

«Едем и скучаем без наших двух друзей <...> Нам очень грустно без круглоглазой и круглощечкой морды, очень симпатичной, когда она улыбается, и менее симпатичной, когда читает проповеди, как следует жить и поступать. Также и без второй морды с папуасскими волосами и черными угольками вместо глаз, которая силится показать, что она видела все виды и что ее ничем не проймешь, не разыграешь, а потом вдруг, сверкнув угольками, устремляется совсем искренне в бой <...>

³⁵ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 15.

³⁶ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 52.

³⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 64.

³⁸ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 16.

Петьке: не забудь привезти в Россию чемодан трубок.

Н. Семенов»³⁹.

На рождественские каникулы 1927 года Петр Леонидович приехал во Францию. Он и раньше часто ездил отдыхать в Париж, но теперь его особенно туда тянуло. Они проводили с Анной Алексеевной много времени вместе.

17 января 1927 г., Париж:

«...Около десяти дней гостил в Париже Петр Леонидович. Мы с ним хорошо время проводили, ходили вместе в театр. Он решил меня образовать, я ведь никогда здесь в театр не хожу. Были в музеях, обедали вместе <...> Сражались словесно, издевались всячески друг над другом <...> Правда, больше говорили о вещах серьезных <...> Зовет в Англию, говорит, опекать меня там будет. Что ж, я не прочь. Он вас хорошо опекал. Я довольна, что вы мне его завещали. Глаза круглые, рот на сторону, трубка торчит все время. Славный малый. Мне положительно с ним легко быть и очень свободно. Когда поеду в Лондон, еще не знаю. Хотела в марте, да жаль занятия прерывать...»

21 января 1927 г., Париж:

«Я уже писала о Петре Леонидовиче. Что еще сообщить о нем? Однажды мы долго сидели и разговаривали, и я заметила, что у него иногда глаза его круглые становятся очень печальными и смотрят куда-то вбок»⁴⁰.

«Однажды, – вспоминала Анна Алексеевна, – под конец моего пребывания в Лондоне, Петр Леонидович сказал: “Хотите поехать по Англии? Посмотреть страну, ваши любимые замки и соборы?” Я тут же согласилась. Да и кто же не согласится отправиться в поездку по Англии на открытой машине! Только у меня совсем не было денег. Но Петр Леонидович сказал: “Я вас приглашаю”. И мы отправились. Ездили по многим старинным аббатствам, старинным городам и доехали в конце концов до самых западных частей Англии»⁴¹.

«Надо сказать, что в молодости Капица был очень лихим водителем. Приехав в Кембридж, он сразу купил себе мотоцикл, а когда мы познакомились, у него был уже автомобиль – “Лагонда”. <...> Он мне рассказывал, как однажды проскочил между двумя идущими навстречу друг другу трамваями, в самый последний момент»⁴².

Письма Петра Леонидовича к Анне Алексеевне того времени не сохранились, но своей маме он написал:

«7 апреля 1927 г., Кембридж.

Дорогая Мама,

Сегодня последний день работы, и завтра утром отправлюсь отдыхать. Сперва думаю поехать покататься на машине, потом на недельку в Париж. <...> Я решил поехать по Англии, т. к. ее меньше всего знаю. Никогда не оставался на каникулы здесь. <...> Тут я несколько раз виделся с Анной Алексеевной Крыловой. Она приезжала смотреть Кембридж. Очень умная и славная девочка. Много интересуется искусством и хорошо разбирается. Тебе, наверное, она понравилась бы. Твой вкус я хорошо знаю...»⁴³

Петина мама, Ольга Иеронимовна Капица, после революции работала профессором Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде, была специалистом по детской литературе и фольклору. Она пестовала молодых и талантливых ленинградских писателей,

³⁹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 16.

⁴⁰ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 18.

⁴¹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 20.

⁴² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 71.

⁴³ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 20.

книги которых впоследствии вошли в золотой фонд советской детской литературы – Самуила Маршака, Виталия Бианки, Бориса Житкова. А значит, заботилась о подрастающем поколении Советского Союза. Она, как и прежде, оставалась настолько горячей патриоткой, что мечтала, чтобы ее сын женился на русской.

Анна Алексеевна писала: «В начале своего пребывания в Кембридже Капица был дружен со Скиннером и всей его семьей, одно время отчаянно ухаживал за сестрой Скиннера, очень красивой девушкой. Мать Петра Леонидовича была в ужасе, что он женится на англичанке и не вернется в Россию. Капица всегда говорил, что Скиннер хороший физик, но у него есть один большой недостаток: он очень богат. Семья Скиннеров была владельцем знаменитых сапожных магазинов “Лилли энд Скиннер” (*Lilley and Skinner*)»⁴⁴.

«Путешествовали мы с полным удовольствием, – вспоминала Анна Алексеевна, – у нас были очень хорошие отношения, вполне дружеские. Петр Леонидович любил шутить, любил подначивать, но и я была весьма независимой и энергичной особой. На ночлег мы останавливались в больших гостиницах. <...> Во время нашей поездки Петр Леонидович много рассказывал мне о своей жизни, о трагических событиях, которые он пережил в России. Было впечатление, что ему хочется выговориться. Надо сказать, что позже, в последующие годы, он, наоборот, старался никогда не говорить об этом...»⁴⁵

Позже Анна Алексеевна писала: «Путешествие кончилось, и вот Петр Леонидович уже провожает меня на вокзале Виктория. Я отчетливо помню, как, уезжая, посмотрела в окно и увидела грустную, как мне показалось, маленькую фигурку, одиноко стоящую на перроне. И тут я почувствовала, что этот человек мне очень дорог...»⁴⁶

Развязка наступила быстро: «Петр Леонидович чуть ли не на следующий день приехал в Париж. Я поняла, что он мне никогда, что называется, не сделает предложения, что это должна сделать я. И тогда я сказала ему: “Я считаю, что мы должны пожениться”. Он страшно обрадовался, и спустя несколько дней мы поженились».

Петр Леонидович написал своей матери:

«23 апреля 1927 г., Париж

Дорогая Мама,

Я, кажется, на будущей неделе женюсь на Крысе Крыловой. Ты ее полюбишь. Целую всех, всех. Петя»⁴⁷.

У него самого, правда, на этот счет могла быть несколько иная точка зрения:

Наталья Николаевна Семенова вспоминала: «В конце апреля мы получили письмо от Петра Леонидовича, в котором он сообщал о своей женитьбе на Анечке. Хотя письмо и не сохранилось, но я помню дословно одну фразу: «Крысу захоронил, к попу за благословением и в Кембридж в клетку, а всё Семеновы виноваты...»⁴⁸

⁴⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 71–72.

⁴⁵ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 66.

⁴⁶ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 66.

⁴⁷ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 25–26.

⁴⁸ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 63.

Гуляш вокруг стола

Анна Алексеевна рассказывала: «Мама хотела, чтобы мы непременно венчались в церкви. Так и было – мы венчались в церкви. Кроме того, надо было зарегистрировать наш брак в советском консульстве, а для этого мне необходимо было получить советский паспорт взамен моего эмигрантского, так называемого нансеновского. Мой отец, Алексей Николаевич Крылов, в то время работал во Франции и хорошо знал нашего посла Христиана Раковского. Он пришел к нему и сказал: “Моя дочь снюхалась с Капицей. Ей нужен советский паспорт”. – “Это очень непросто, нужно писать в Москву, что займет много времени, – ответил Раковский и, подумав, добавил: – Но мы поступим проще: попросим персидское посольство дать ей персидский паспорт, и тогда нам будет легко поменять его на советский”. Отчего-то Алексею Николаевичу показалась необычайно оскорбительной перспектива превращения меня в персиянку. Он страшно рассердился и поднял такую бучу в посольстве, что очень скоро все формальности были улажены»⁴⁹.

Сохранилось письмо Алексея Николаевича Крылова:

«23 июля 1927 г., Париж»

Милая Аня! Вчера меня призывал наш генеральный консул Отто Христианович Ауссем и сказал, что тебе паспорт из Москвы разрешено выдать. Для этого необходимо:

Чтобы ты заявила, какую хочешь носить фамилию, т. е. Капица или Крылова – двух нельзя.

Прислала 4 фотографических карточки.

Прислала 12 долларов, если хочешь паспорт на годичный срок.

Перечислила свои приметы:

а) Рост (в см) б) Цвет волос в) Цвет глаз г) Нос д) Особые приметы.

Можешь писать и так:

Рост – дылдоватый

Волоса – карие

Глаза – когти

Нос – луковицей

Особые приметы: на лбу рожки еще не пробились, но места для них обозначились...»⁵⁰

Анна Алексеевна вспоминала: «А затем произошла чудная история уже при регистрации нашего брака в советском консульстве. Нас приняла там строгая дама, которая, как сразу было видно, абсолютно не понимала шуток. Петр Леонидович всегда шутил, а если видел, что у человека отсутствует чувство юмора, тут-то его особенно разбирало»⁵¹.

И это тоже стало характерной чертой Андрея Петровича Капицы, которую далеко не все понимали.

Однако предоставим Анне Алексеевне завершить рассказ: «Строгая дама нас записала, а Петр Леонидович ей и говорит таким веселым тоном: “Ну, теперь вы нас три раза вокруг стола обведете?” (Он имел в виду – по аналогии с церковным венчанием). Она безумно обиделась, рассердилась и сказала строгим тоном: “Ничего подобного. Но я должна сказать несколько слов вашей жене”. И, обращая ко мне, добавила: “Если ваш муж будет принуждать вас к проституции, придите к нам пожаловаться”. Даже Петр Леонидович был озадачен»⁵².

⁴⁹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 67

⁵⁰ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 52

⁵¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 67.

⁵² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 67–68.

«Решив, что надо устроить что-то вроде медового месяца, мы поехали в Довиль – очень модный и симпатичный курорт на Ла-Манше. Петр Леонидович любил модные места, роскошные гостиницы и всякую такую чепуху. Он никогда не мог привыкнуть к тому, что мне это абсолютно безразлично, и говорил: «Это ужасно, ты никогда не понимаешь, что ешь, тебя очень трудно угощать. Ему нравилось расспрашивать повара о тонкостях приготовления того или иного блюда. Петр Леонидович любил поговорить с настоящими профессионалами об их деле, будь то повар, парикмахер или ученый.

Не прошло и нескольких дней нашего медового месяца, как Петр Леонидович сказал мне: “Знаешь, мне очень хочется ехать в Кембридж работать. Поедем”. И мы поехали.

Довольно скоро я поняла, что первое и основное у Петра Леонидовича – его работа. Так что мне нужно было с самого начала решить, что работа – это самое главное. А все остальное к ней прилагается. И не надо мне по этому поводу делать ему никаких скандалов, хотя можно иногда сердиться – в конце концов, нельзя было все спускать, надо было его иногда и останавливать.

Сначала Петр Леонидович хотел, чтобы я ему помогала в лаборатории, занималась фотографированием и еще чем-то в этом роде. Но из этого ничего не получилось, потому что я абсолютно ни с какой стороны не научный работник. Было совершенно очевидно, что Лаурман все делает гораздо лучше, а на меня Петр Леонидович только раздражался...»⁵³

⁵³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 69.

АНГЛИЙСКИЙ ДОМ

«Пока Капица не был женат, – вспоминала Анна Алексеевна, – он жил в Тринити-колледже, у него были две хорошие комнаты на втором этаже *Nevill's court*. Но семейным людям не полагалось жить в колледже. Сначала мы сняли совсем маленький симпатичный домик в самом центре Кембриджа в *Little St. Mary's Lane*, но вскоре переехали в дом на *Storey's way*, где родился наш старший сын Сережа. Понемножку завели мебель. В то время Петр Леонидович еще играл на фортепьяно, и ему очень хотелось его иметь. Так что мы купили пианино, и впоследствии этот инструмент переехал с нами в Москву. Петр Леонидович любил, чтобы в доме были картины, и всегда говорил, что картины должны висеть в частных домах, а музей – это кладбище картин»⁵⁴.

Анна Алексеевна писала матери мужа:

«20 июня 1927 г., Кембридж

Дорогая Ольга Иеронимовна! <...> Числа 3-го июля мы переезжаем в новый дом. Он на *Storey's way*, которая выходит на *Huntingdon Road*. Там очень хорошо, сады кругом, поле. Совсем на даче. Купили кой-какую мебель – письменный стол, буфет, надо еще кухонный стол, посуду и вообще всякую дребедень домашнюю. <...> Знакомые сейчас уже не так одолевают, а первое время их было столько, что я никого не запомнила и всех перепутала. Теперь начинаю соображать понемногу, как в Кембридже живут люди, только вот с разговором плохо, я, когда вижу много незнакомого народу, то пугаюсь и молчу как рыба. То же было и в Париже, где я научилась не пугаться французов только на пятый год! Я думаю, что здесь дело пойдет лучше и я совсем хорошо буду себя чувствовать с англичанами так через год или два. Петя сейчас много работает, я хожу к нему в лабораторию, снимаю их, как они там работают, снимки получаются очень забавные. Археология моя пока отдыхает, хотя у меня есть возможность работать в большой университетской библиотеке, но, пока все не наладится и мы не устроимся окончательно, не хочу начинать работать. Это ничего, археология может подождать...»⁵⁵

Вскоре (10 июля) Анна Алексеевна вновь пишет Ольге Иеронимовне и подробно рассказывает об их жизни в новом доме:

«Дорогая Ольга Иеронимовна, наконец перебрались в наш новый дом. И оба очень счастливы, здесь чудно, спокойно, хорошо, много воздуха, солнца, окна громадные. Так что дом очень светлый.

Обзавелись мебелью, как раз в меру, не набито в комнатах и все есть, что надо. Купили пианино, и Петя играет каждую свободную минутку. Я сама в музыке абсолютно ничего не понимаю, но слушать очень люблю. Сад наш в диком состоянии, только перед домом получше. Зато растет малина и две яблони, правда, такие махонькие, что от земли не видно, но с яблоками все же.

Внизу – столовая и гостиная соединены большой дверью, так что получается одна большая комната, кухня и прихожая. Всё порядочных размеров, что очень приятно. Наверху кабинет, спальня и две маленьких комнаты, ванна и пр. Одна комната предназначена для Вас. Мы очень хотим, чтобы Вы приехали пожить с нами, но не на месяц, а подольше – на полгода или больше. Вряд ли мы поедем в этом году в Ленинград. Очень это все сложно. Лучше приезжайте Вы к нам, посмотрите, как мы живем. <...> Петя ухитрился познакомить меня со 100

⁵⁴ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 27.

⁵⁵ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 37.

человеками, из которых я половину не могу узнать на улице и часто в недоумении, кто со мной разговаривает. Но понемногу я их всех выучу, и дело пойдет лучше...»⁵⁶

Анна Алексеевна рассказывала: «В доме на *Storey's way* мы жили долго. Туда к нам приезжала Ольга Иеронимовна, мать Петра Леонидовича. Она приехала познакомиться со мной и познакомиться маленького, недавно родившегося внука (Сергей родился 14 февраля 1928 года. – *Прим. авт.*). Есть прелестная фотография Ольги Иеронимовны с маленьким Сережей на руках. У нее такое веселое, счастливое лицо – наконец, она как-то успокоилась за Петра Леонидовича: он снова не один, у него семья, и, что немаловажно, его жена не англичанка»⁵⁷.

Приходил в тот дом и будущий академик Ю. Б. Харитон: «Летом 1928 года в одно из воскресений я был у Капиц на обеде. После обеда вышли посидеть в саду. В самом дальнем углу сада у ограды стояла детская коляска, в которой находился будущий автор широко известных телепередач “Очевидное-невероятное”. Я спросил у Анны Алексеевны, почему коляска стоит так далеко, и услышал ответ: “А чтобы крика не было слышно”»⁵⁸.

Получается, жили они на *Storey's way* всего пару лет. Дела у Петра Леонидовича в Кавендишской лаборатории шли настолько успешно, что понадобился более представительный дом, побольше. Вдобавок гораздо лучше жить не в том доме, что ты купил, а который спланировал сам. Немаловажное значение в принятии решения о постройке нового дома сыграло знакомство и дружба с Хьюзами.

Анна Алексеевна вспоминала: «Кроме физиков, у нас было много друзей, самых разнообразных – историки, литературоведы, археологи, священники, экономисты и т. д. Среди наших друзей были Мери и Хью Хьюзы. Он был выдающимся архитектором, довольно много строившим в Кембридже. По проекту Хьюза была сооружена Мондовская лаборатория, которую Лондонское королевское общество построило специально для работ Петра Леонидовича. Он же проектировал и наш последний дом на *Huntingdon Road*. <...> В этом доме родился наш младший сын Андрюша»⁵⁹.

В новом доме было «восемь комнат в двух этажах и еще две комнаты в мансардном помещении, и гараж. При доме хороший сад и теннис»⁶⁰.

Уже летом Петр Леонидович пишет матери Ольге Иеронимовне:

«Кембридж, 12 июня 1930 г.

Дорогая моя Мама,

Сейчас очень занят, но все идет помаленьку. Дом подвигается, и недели через две-три собираемся переезжать. Наш новый адрес будет 173 *Huntingdon Rd*. У меня большая новость... <...> Дело в том, что мне предлагают кафедру, специально для меня созданную, подробности я напишу потом. Окончательно все выяснится только к середине ноября, но почти нет никаких оснований, чтобы я ее не получил. <...> Это очень большая честь для меня...»⁶¹

В начале зимы, на обратном пути из СССР побывав в Брюсселе на Сольвеевском конгрессе, Анна Алексеевна сообщала свекрови:

«12 ноября 1930 г., Кембридж

Дорогая Ольга Иеронимовна...

В Брюсселе было очень хорошо, заставили физиков работать с 9 утра до 11 вечера. Все почти жили в одном отеле, встречались утром за кофе и тут же начинали физические раз-

⁵⁶ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 38.

⁵⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 70.

⁵⁸ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 60.

⁵⁹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 29.

⁶⁰ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 450.

⁶¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 372.

говоры. Шли толпой в “свободный университет” и там читали доклады, спорили и говорили до 6 вечера, шли домой и обедали опять вместе, и опять с физическими разговорами. И так всю неделю... Эйнштейн – существо очень симпатичное, у него страшно веселые глаза, зато Madame Curie (мадам Кюри. – *Прим. авт.*) ужасно свирепая, страшно сухой принципиальный вид. Я думаю, она не самая симпатичная старуха на всем свете. Остальные физики все очень милые, некоторые невыносимо смешные. Все были очень довольны, но рады, когда кончилась неделя, слишком много наговорили...

Мы, кажется, решили заводить еще одну зверушку, которая родится в конце июня. Не могу ручаться за девочку, но постараюсь! Проводили сегодня маму в Париж. <...> Мы заняты сейчас посадкой и планировкой сада, вырастет он, конечно, через 25–50 лет, но все-таки надо посадить...»

Конечно, Елизавета Дмитриевна радуется за детей:

«9 июля 1931 г., Париж

Дорогие мои Петя и Анечка, поздравляю вас с новым малюткой сыном, товарищем Сереженьке...»⁶²

⁶² Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 46–47.

Дети-цветы

Сохранились письма Елизаветы Дмитриевны Крыловой к Анне Алексеевне того периода. Елизавета Дмитриевна оставалась жить в Париже и занималась там общественными и церковными делами.

12 июля 1931 г., Париж:

«Дорогая, милая моя Анюточка, как я обрадовалась твоему письму и как счастлива, что малютку вы назвали Андреем, это такое хорошее имя. Теперь я усиленно молюсь, чтобы твое сердце смягчилось и чтобы маленького Андрея окрестили. Не сердись на меня за эти строчки, но ведь крещение для меня Таинство, и я так люблю вас и малютку, что для меня отдаление от вас так тяжело...»

18 июля 1931 г., Париж:

«...Конечно, я очень хочу видеть маленького Андрея и приеду, как ты говоришь, в первых числах августа. Как хорошо, что Сереженька любит братца своего, он и потом будет верно ему покровительствовать. <...> Ты устроила роды потихоньку, и Петя не проснулся, но меня бы ты так не провела...»

20 ноября 1931 г., Париж:

«...Я всегда представляю себе Сереженьку и маленького Андрюшу с его толстыми щеками и очень их люблю и понимаю теперь, отчего бабушки так любят внуков...»

Тон писем участливый, спокойный. Дети любят, их опекают, ими занимаются, но без надрыва, наставлений и обсуждений детских пеленок, игрушек и вопросов воспитания. Ну, растут дети и растут... Скорее взрослых больше волнуют социальные и политические проблемы.

4 марта 1932 г., Париж:

«...Очень рада, что ты занимаешься с Сережей русской грамотой, ему полезно сидеть смирно и немного сосредоточиться, хоть 10 минут. <...> Как хорошо, что Петя вовремя купил рядом землю и вам не помешает новый дом...»

9 мая 1932 г., Париж:

«...Получила твое письмо и наброски с Андрюши, очень мы обе были рады. Наброски очень понравились, особенно где он стоит в профиль, такой милашка. Но сейчас мы находимся в таком волнении от этого ужасного события: убийства русским французского президента (казак и писатель Павел Горгулов застрелил президента Франции Поля Думера, потерявшего на войне четырех сыновей. – *Прим. авт.*). Это дикое убийство мог совершить только сумасшедший. Но сумасшедший он или нет, он все же русский эмигрант, и это падает на всех нас, живущих во Франции и пользующихся такой широкой свободой здесь. За добро отплатил так ужасно. Всякий террористический акт вызывает во мне протест и угнетает, с какой бы стороны он ни шел, а такой лег на нас тяжелым гнетом. Как подумаю о русских, которые работают на заводах, об учащих во французских школах, как им тяжело. Не думаю, что это только я чувствую так, нет, все одинаково так чувствуют. Конечно, это впечатление со временем сгладится, но пока очень тяжело. Ты, конечно, читаешь все подробности об этом событии и всякие предположения, но будем ждать судебного следствия, что оно откроет.

Что такое ты пишешь, что хотела бы поехать в Союз, т. е. в Россию? Почему ты пишешь, что ты хотела бы поехать. Как? Одна? Что это значит?

<...> Что же это Сереженька не делает успехов в русской грамоте, все же не оставляй с ним заниматься хоть 10 минут. <...>

Я очень рада, что Петина лаборатория вышла красивой, напиши, когда она откроется. <...> Мы раньше, чем ты написала, прочли про открытие Кокрофта. Мария Ивановна воскликнула: «Почему это не Петя открыл, ведь он работал над атомом». Я же хочу знать вот

что. Кокрофт работал у Пети в лаборатории и пользовался его машиной, если это так, то тут и Петина часть есть. Так ли это?..»⁶³

За период более года письма отсутствуют.

6 марта 1934 г., Париж:

«Ты пишешь о советской школе для Сережи, но ведь это значит лишить... его семьи, а себя сына, потому что он отвыкнет от вас, а Андрюшу лишит брата. К тому же в советской России, которая так еще молода, нет ни хороших учителей, ни школы удовлетворительной, они сами об этом часто пишут. Да и неудивительно это, для этого время требуется. Да и жизнь там еще не устроилась, и не наладилось с продуктами, всё еще недоедают. Страна еще не вышла вполне из хаоса, еще строится. И в гигиеническом отношении не все в порядке, и эпидемий много. Одним словом, страна, и такая обширная, как Россия, пережила революцию, все еще строится, создается, много увлечений, и сами часто отменяют то, что начали, и в школьном деле особенно. Буду надеяться, что найдешь в Кембридже неплохую школу и вы останетесь все вместе...»

9 июля 1934 г., Париж:

«Сегодня минуло три года маленькому Андрюше, и я крепко целую его щечки. <...> Письмо твое очень интересно, и о вашем пребывании на мельнице, и о путешествии по Бельгии. Понимаю тебя и Петю, что вы хотите ехать на автомобиле по северным странам, это очень интересно. Я боялась, что вы поедете через Германию, которая сошла с ума и очень опасна...»⁶⁴

Как выяснилось, дети Капицы вовсе не обижены вниманием! Они путешествуют с родителями на машине, и каждое лето Анна Алексеевна проводит с ними у моря: «Хьюзы состояли в обществе охраны мельниц, и у них самих была мельница в Норфолке, на берегу моря. На этой мельнице мы с детьми жили три лета»⁶⁵.

Вот письмо оттуда Петра Леонидовича Ольге Иеронимовне:

«Мельница, графство Норфолк, 22 июля 1934 г.

Дорогая моя Мама,

Пишу тебе с берега моря, где Аня с детьми уже живет 5 недель, и завтра все возвращаемся в Кембридж. Ребятишки и Аня хорошо поправились, и мне также это пошло на пользу...»⁶⁶

А вот его письмо жене из СССР (об этой поездке чуть ниже):

«Ленинград, 14 октября 1934 г.

Дорогой Крыс,

Вчера тебе писал. Сегодня хочется писать опять. Все думаю о тебе и хочется сказать, как я тебя, дорогого Крысенка, люблю, но не знаю, как подобрать слова. И маленьких крысят люблю тоже и жалею, что не могу вас видеть. <...> Одно только меня волнует – лаборатория моя. Это ведь тоже мое детище, и большая часть моего “я” туда вложена...»⁶⁷

Тема детей почти всегда затрагивается в письмах как-то вскользь... Может быть, Петр Леонидович и Анна Алексеевна были плохими, бездушными родителями?

Анна Алексеевна вспоминала: «Маленьких детей Петр Леонидович боялся, он почти никогда не брал их на руки. Он не мог забыть ужасной гибели своей первой семьи. После этой трагедии он страшно переживал болезни своих близких, до сердечных приступов. Болезни для него – это был просто ужас. Он никогда не мог успокоиться, и его безумно травмировали любые

⁶³ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 47–49.

⁶⁴ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 50–51.

⁶⁵ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 29.

⁶⁶ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 380.

⁶⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 382.

болезни детей. Он интересовался детьми, когда они становились более или менее большими. Трагедия, пережитая в юные годы, долго, очень долго не оставляла его. Он не любил вспоминать прошлое и никогда не рассказывал об этом. Мы не отмечали Рождественские праздники, ведь это были для Петра Леонидовича страшные дни, когда умерли его жена и новорожденная дочь. Только много позже, когда подросли наши дети, мы стали для них устраивать праздник»⁶⁸.

Отсутствие в семье Петра Леонидовича Капицы чрезмерного «чадолюбия» подметил, правда уже намного позже, писатель Михаил Михайлович Пришвин. Заехав в гости к Капицам на дачу на Николину Гору, он в своем дневнике сравнивает собственную жену с Анной Алексеевной и 19 июня 1951 года записывает: «Обе женщины устремлены больше к мужу, чем к детям, но у Капиц это выходит по-английски, а у нас по-русски. Это и надо заметить: обычные браки бывают в смысле: брак есть могила любви, то есть что родители сами по себе в родах своих опустошаются и живут в детях. А тут они остаются друг с другом, а дети отходят в “хорошие отношения”». И 23 июля добавляет: «Семья Капицы. Жена его детей вырастила, воспитала, но это было для нее делом вторым. Первое было у нее: помогать мужу в его творчестве, главное – это его дело»⁶⁹.

Елена Леонидовна Капица написала про Анну Алексеевну: «Она ведь, что ни говори, сознательно, добровольно, с радостью отдала всю себя, всю свою жизнь служению Капице. Анна Алексеевна признавалась мне, что, наверное, была не очень хорошей матерью, ведь и интересами своих сыновей она всегда жертвовала в пользу Петра Леонидовича, говорила, что, возможно, сыновья обижались на нее за это»⁷⁰.

⁶⁸ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 74–75.

⁶⁹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 182–183.

⁷⁰ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 33.

Клетка для профессора

3 февраля 1933 года в Кембридже торжественно открывали Мондовскую лабораторию – *Mond Laboratory*. По выражению Петра Леонидовича Капицы, то, «что он построил модернистское здание среди старинной готики и ее подражаний, им очень понравилось»⁷¹.

Лабораторию передавало университету Лондонское королевское общество во главе со своим президентом Гоулендом Хопкинсом. Потому что построили ее «на проценты с 50 000 фунтов стерлингов, которые двадцать лет тому назад оставил Лондонскому королевскому обществу Dr. Ludwig Mond» – известный химик и предприниматель. Проценты составили 15 000 фунтов стерлингов. На церемонии присутствовали престарелый сын Монда – *sir Robert Mond*, который, опять же по выражению Петра Леонидовича, “дал монету”, и внук – *Lord Melchet*⁷². И это все для того, чтобы Капица мог спокойно работать.

Гвоздем программы стал визит на церемонию Стэнли Болдуина – лидера Консервативной партии, уже дважды побывавшего премьер-министром Великобритании и готовящегося стать им в ближайшем будущем, и, между прочим, двоюродного брата Редьярда Киплинга. И. М. Халатников удивлялся: «Для меня до сих пор остается загадкой, почему Болдуин, который был враждебно настроен к Советскому Союзу, принял участие в церемонии открытия Мондовской лаборатории, директором которой был советский ученый. Хотя, конечно, в те годы этот политический деятель был вместе с тем и канцлером Кембриджского университета»⁷³.

В письме от 5 марта 1933 года Петр Леонидович описал все это своей матери Ольге Иеронимовне так:

«Потом был осмотр лаборатории. Мне в обязанность вышло показывать и объяснять, и водить Болдуина (именно так в транскрипции П. Л. Капицы. – *Прим. авт.*). Он не много интереса проявил, на мое счастье. Но... показывая ему замерзание водорода, я объяснил, каким таким взрывчатым веществом является смесь жидкого водорода с твердым воздухом. Что три физика уже было убито и пр. На лице его я прочел жуть...»

Петр Леонидович привел Болдуина отдохнуть от толпы в свой кабинет: «Кабинет у меня шикарный. Самый что ни на есть модернистский. Мебель из стальных труб, обтянутая ярко-красной кожей, и всё в этом стиле... Резерфорд и говорит: “Фотографы просят, чтобы мы вместе попозировали”. Но Болдуин запротестовал: “К чертовой матери их”, – говорит. Тогда Крокодил говорит: “Пойдемте чай пить”. – “Чаю я не хочу, – говорит Болдуин, – а вот если вы бы виски мне дали...” А кроме денатурированного спирта у нас в лаборатории ничего не было»⁷⁴.

В общем, все было празднично, мило, местами нелепо, но главное – обещало широкие перспективы. Как раз в Мондовской лаборатории 19 апреля 1934 года Петр Леонидович Капица получил жидкий гелий на созданной им установке!

Елена Леонидовна Капица писала: «Полтора года спустя после этой торжественной церемонии Капица, как он это делал в каникулярное время все последние годы, отправился в отпуск на родину вместе с женой (дети остались в Англии. – *Прим авт.*). Петр Леонидович выехал из Кембриджа на своей машине. Он пригласил в поездку и директора УФТИ Алек-

⁷¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 379.

⁷² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 380.

⁷³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 204.

⁷⁴ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 374–379.

сандра Ильича Лейпунского, который при содействии Капицы был принят тогда на стажировку в Кавендишскую лабораторию»⁷⁵.

Вот как об этой поездке вспоминала Анна Алексеевна: «В конце августа 1934 года мы, как всегда, решили навестить Ольгу Иеронимовну и Леонида (старшего брата Петра Леонидовича. – *Прим. авт.*). На этот раз мы поехали в Россию на машине, которую незадолго до этого купили. Это была машина марки “Воксхолл”. Сначала мы погрузили ее на пароход и отправились в Берген (пароход прибыл в Берген 25 августа. – *Прим. авт.*) Из Бергена уже на машине мы поехали на север Норвегии и через Швецию и Финляндию добрались до Ленинграда. Это было очень красивое путешествие – мы проезжали фиорды, поднялись в горы, добрались до самых северных районов. По дороге останавливались, собирали грибы, тут же их жарили, купались в озерах. Одним словом, это была прелестная поездка. На границе Финляндии нам отчего-то пришлось вместе с машиной погрузиться в поезд, и таким образом мы переехали границу СССР и прибыли в Ленинград. В общей сложности наше путешествие продолжалось около двух недель»⁷⁶.

Сын этнографа и режиссера Леонида Леонидовича Капицы, старшего брата Петра Леонидовича – тоже Леонид Леонидович, бывший в те времена подростком, – прекрасно помнил эти наезды дядюшки: «В 30-е годы дядя и Анна Алексеевна, его жена, несколько раз навещали нас. Приезжая, они всегда привозили необыкновенные подарки. Однажды, например, мне был подарен превосходный набор настоящих инструментов. В нем был невиданный у нас металлический рубанок, тисочки и еще один рубаночек с ручками по бокам для обстругивания вогнутых поверхностей. Дядя сам прошел в детстве хорошую школу ремесла и рукоделия, всю жизнь эта школа помогала ему, вот он и обо мне подумал. В другой раз дядя подарил мне бывший тогда в диковинку металлический конструктор “Меккано”. Купил он его, правда, в Харькове и назывался он не “Меккано”, а всего лишь “Металлообдільвальная скрінка Піонер”. А в конце лета 1934 года привез совсем необыкновенный дорогой подарок – марочный каталог фирмы “Ивер” 1933 года. Я относился к собиранию марок очень серьезно, и поэтому самый знаменитый каталог, да еще 1933 года издания, то есть самый последний, привел меня в восторг. Для меня марки были экзотикой дальних стран; будоражило фантазию, что вот этот кусочек бумаги побывал в Африке, в какой-нибудь Либерии или на Берегу Слоновой Кости».

Да нет, Петр Леонидович и Анна Алексеевна Капицы определенно были очень хорошими, заботливыми родителями!

Между тем племянник Леня продолжает: «В тот год Петр Леонидович и Анна Алексеевна... приехали на собственном автомобиле. Погрузив его в Англии на пароход, они приплыли в Скандинавию, а затем через Норвегию, Швецию и Финляндию прикатили в Ленинград... Во время поездки и пребывания в Ленинграде дядя снимал кинофильм. В этом фильме есть уникальные кадры довоенного, неразрушенного Петергофа с былым, непохищенным “Самсоном”».

Но тут начало происходить странное. Леня вспоминал: «Маленький “квадратный” автомобильчик дяди по тем временам казался чудом совершенства. Он ночевал у нас во дворе и однажды вдруг пропал. Началась паника и поиски, но вскоре автомобиль обнаружили невредимым неподалеку от дома. Кто-то просто захотел покататься немного на заморской штучке»⁷⁷.

Думается, что не просто – и это было совсем некстати, поскольку программа Петра Леонидовича в СССР, несмотря на отпуск, была весьма насыщенной. Они с Анной Алексеевной приехали в Ленинград как раз к началу Международного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева (так называемого Менделеевского конгресса). Затем на

⁷⁵ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 59–60.

⁷⁶ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 30.

⁷⁷ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 92.

несколько дней поехали поездом в Харьков, где Петр Леонидович проводил свою ежегодную консультацию в УФТИ, и снова вернулись в Ленинград.

Елена Леонидовна Капица писала: «24 сентября Капице позвонили в Ленинград, где он жил у своей матери, и предложили 25 сентября приехать в Москву, в Кремль, для беседы с заместителем Председателя СНК СССР В. И. Межлауком. Капица ответил, что приехать не сможет, так как очень занят, потому что на днях возвращается в Англию». В ноябре 1934 года в письме французскому физику Полю Ланжевону Анна Алексеевна рассказывает об этом эпизоде так: «В ответ на отказ приехать человек, который говорил с ним по телефону, ему сказал: “Профессор, вы не отдаете себе отчета в своих словах. Это приказ правительства, вы не можете отвечать отказом, вы должны приехать...” В Москве Межлаук от имени правительства страны сообщил Капице, что отныне он должен будет работать в СССР, а выездная виза его аннулируется»⁷⁸.

Анна Алексеевна вспоминала: «Он пробыл там долго, а когда вернулся, сказал: “Знаешь, они не пускают меня назад в Кембридж”. Для Петра Леонидовича это было полнейшей неожиданностью и очень тяжелым ударом. В тот же вечер мы поехали обратно в Ленинград, и я хорошо помню эту ночь в поезде. Он был страшно потрясен, невероятно, все рухнуло. Он потерял лабораторию, только что построенную специально для него, с самыми новыми приборами... Надо было решать, что делать в этой ситуации. Необходимо было посоветоваться с Резерфордом и узнать его настроение, к тому же в Кембридже оставались дети. Я должна была как можно скорее вернуться в Англию, моему отъезду не чинилось никаких препятствий... Но перед моим отъездом мы договорились с Петром Леонидовичем о самых разнообразных вещах – как мы будем переписываться и какие у нас будут в письмах шифры, чтобы было понятно только нам... Мы совершенно не знали, чем окончится наша жизнь здесь: посадят – не посадят, вышлют – не вышлют, и не хотели, чтобы дети от этого страдали. Мы думали, что, может быть, я вернусь к Петру Леонидовичу, а детей оставим за границей, в каком-нибудь закрытом учебном заведении.

Петр Леонидович просил меня по приезде в Англию как можно скорее поговорить с Резерфордом, все ему рассказать, узнать его отношение. Когда Мондовская лаборатория планировалась, Петр Леонидович оговорил с Резерфордом возможность того, что когда-нибудь он уедет и в таком случае сможет забрать оборудование с собой, возместив Кембриджскому университету все затраты... но никогда не думал, что все случится так неожиданно. Вот я и отправилась в Англию со всеми полномочиями от Петра Леонидовича»⁷⁹.

2 октября Анна Алексеевна отправилась в Англию на пароходе «Сибирь», а Петр Леонидович остался в Ленинграде у матери и брата.

Сразу по приезде она написала мужу из английского дома:

«8 октября 1934 г., Кембридж

Дорогой Петя,

я благополучно добралась до дома, нашла всех в полном порядке. Сережка и Андрейка очень веселы, и Сережа, конечно, первым делом спросил о ноже, и он ему страшно понравился, и с ним он не расстанется – и спит, и ест. Все игрушки им подарены в общее пользование, и это вышло очень удачно. Только, чтобы Андрейке компенсировать ножик, я подарила ему отдельно человека, которому собака рвет штаны. Погода здесь стоит чудесная, тепло и солнечно.

Ехали мы очень мирно, меня встретили Катя Сперанская и John Кокрофт, с которым мы приехали в Кембридж. Ну и проклятие править по Лондону, особенно в понедельник утром, это совершенно предприятие не для меня, но вышла я из него с честью. <...>

⁷⁸ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 61.

⁷⁹ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 30–31.

Карик (автомобиль. – *Прим. авт.*) в порядке, но довольно грязный, хотя и был покрыт брезентом, но все-таки немножко покрылся каким-то налетом.

В лаборатории все благополучно. <...> (Дальше идет закодированный текст: П. Л. и А. А. договорились, что после слов «дорогой мой», «дорогая моя» имена их детей становятся псевдонимами: Сергей – Резерфорда, Андрей – Ланжевена. – *Прим. авт.*). Еще хочется написать тебе, дорогой мой, о Сережке, очень он хороший мальчик, замечательно смысленный и, для его лет, поразительно вдумчивый. Когда с ним говоришь, то не нарадуешься, как он хорошо все понимает и живо схватывает. Правда, все дети в его возрасте хороши, но все-таки хочется похвастаться, что у нас такой сынишка. А главное, хорошо, что он всегда бодрый и веселый и очень бодряще на всех действует и не унывает, даже когда видит, что перед ним трудная задача и, может, он положит много времени, прежде чем ее решить. Очень он меня порадовал...»⁸⁰

Петр Леонидович с Анной Алексеевной тогда провели в разлуке около года – и все это время Елизавета Дмитриевна Крылова пробыла в Кембридже с детьми и Анной Алексеевной. А Петр Леонидович поселился в Ленинграде у матери Ольги Иеронимовны с семьей старшего брата в старой, еще отцовской квартире. Хотя квартира 45 в доме 73/75 по улице Красных Зорь (потом Кировский, а теперь снова Каменноостровский проспект. – *Прим. авт.*) была настоящим Ноевым ковчегом. После смерти мужа в 1919 году Ольга Иеронимовна мудро рассудила, что при новых властях такую большую квартиру ей не сохранить, и сама «уплотнила» ее собственной родней и друзьями. Делать Петру Леонидовичу тогда было особо нечего, и он обрушил весь свой нерастроченный отцовский пыл на племянника Леньку, который только вступал в возраст «пятнадцатилетнего капитана».

Петр Леонидович и Ленька совершали по Ленинграду долгие прогулки, то на лодке, которую брали в прокат, а то пешком. Как-то раз зашли далеко, «до самой “стрелки” Крестовского острова, до самого его конца. В заливе в дымке узкой полосой виднелся Кронштадт... Ветер гнал... низкие ленинградские облака. “Вот, – сказал дядя, – видишь едва заметный купол? Это огромный кронштадтский морской собор. Он построен на пожертвования моряков”. Мы пошли обратно, теперь ветер нажимал в спину. Чтобы дойти быстрее, мы начали пересекать остров по диагонали. И так случилось, что мы оказались посреди большого песчаного поля, окруженного дамбами... Место было неуютное, почва зыбковатая. Вдруг дядя остановился, схватил меня за рукав, а потом, не оборачиваясь, не оглядываясь, быстро зашагал вперед. До этого он выбирал дорогу, а тут зашагал напрямик... Мы пересекли намывной участок, вышли на дорогу и вскоре были на трамвайной остановке за мостом. И только здесь дядя сдержанно сказал мне:

– А знаешь, Леонид, в нас стреляли. Я слышал свист пуль. Мы не должны были показывать, что заметили что-то. Поэтому я ничего и не сказал тебе. А ты, по глухоте, ничего и не слышал.

...Вскоре после этого случая у нас на парадной лестнице обосновались два человека. Целые дни напролет сидели они в тамбуре между наружными дверьми на ящиках. А стоило дяде куда-нибудь пойти, эти два человека неотступно шли за ним. Дядю раздражало это назойливо-откровенное, нагловатое следование по пятам и довольно близко. То ли охрана, то ли надзор... Скорее всего, это была просто игра на нервах, своеобразное психологическое давление»⁸¹.

Леонид в своем очерке с удовольствием вспоминал дядю. То они с ним от «вертухаев» на лодке удрали, а то заставили их телегу, засевающую в грязь, помогать толкать. А потом дядя вдруг взял и... «сочинил сценарий детективного фильма... Объединение “Межрабпомфильм” объявило конкурс... Дядя придумал сценарий, бабушка его немного отредактировала, и, что

⁸⁰ Капица Е. Л., Рубинин П. Е. Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. М., АГРАФ, 2005. С. 61–64.

⁸¹ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 93–97.

самое удивительное, сценарий “Гибель короля бриллиантов” был премирован... Молодой ученый изобретает способ искусственного получения алмазов с помощью сверхвысоких давлений и сверхвысоких температур. В работах его принимает участие маститый ученый – учитель и друг героя. Получение искусственных алмазов ставит под угрозу благополучие фирмы, торгующей природными алмазами. Фирма расправляется с молодым изобретателем, но старый ученый и сестра погибшего доводят его дело до конца. В финале герои, изготовив сотни килограммов искусственных алмазов, разбрасывают их над городами...

Летом 1935 года я приехал к нему на школьные каникулы. Анна Алексеевна была еще с детьми в Англии, и Петр Леонидович жил один в номере гостиницы “Метрополь”... В то лето как раз происходил в Москве Всемирный конгресс физиологов, понаехало много иностранцев, и дядя встречался с ними. Случилось так, что он решил угостить несколько человек “русским обедом”, взял в ресторан и меня. Я, помню, очень смущался своим не иностранным видом, своей серой курточкой с кушаком... расселись за столиком, но тут оказалось, что иностранцам “русские блюда” не положены, а задуманная Петром Леонидовичем окрошка – в особенности. Но он тут же нашел выход: продемонстрировав, что он и я, оба говорим на чистейшем русском языке, дядя потребовал под это дело окрошку, а иностранцы получили свой изысканный бульончик с пирожком. Потом Петр Леонидович спокойно поменял тарелки...»⁸²

Как же во всем этом чувствуется, узнается Андрей!

Тем временем ситуация вокруг Петра Леонидовича в СССР становилась хуже и хуже. А началось все с того, что крупный советский математик, академик АН СССР Яков Викторович Успенский не вернулся в 1929 году из своей очередной заграничной командировки. И еще написал Петру Леонидовичу Капице в Кембридж предупредительное письмо:

«Берлин, апрель 1929 г.

Многоуважаемый Петр Леонидович!

Пишу Вам по поручению Алексея Николаевича Крылова, который просил меня сообщить Вам о нижеследующем. А. Н., узнав, что Вы собираетесь приехать в СССР для временной работы, убедительно просит Вас не делать этого. Положение сейчас таково, что никаким гарантиям того, что Вас по истечении некоторого срока выпустят обратно, доверять нельзя. Приехав однажды в СССР, Вы рискуете остаться там навсегда. Но, допустив даже, что этого не случится, все-таки можно очень сомневаться, что Вам удастся вести работу при таких условиях, какие Вы имеете в Кембридже. Поэтому А. Н. просит Вас отменить Ваш приезд в СССР и известить об этом А. Ф. Иоффе под каким-либо благовидным предлогом или еще тянуть дело так, чтобы не сказать ни да, ни нет. Обо всем этом нужно писать осторожно и дипломатически, что Вы, вероятно, и сами понимаете. <...> С искренним уважением, Я. Успенский»⁸³

⁸² Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 97–101.

⁸³ Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы. М., Наука, 1994. С. 370.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.